

А.П. Чапыгин

Разин Степан

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

А.П. Чапыгин

А11 Разин Степан / А.П. Чапыгин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 438 с.

ISBN 978-5-4241-1570-7

"Разин Степан" Алексея Чапыгина принадлежит к числу классических романов. Автор его - замечательный художник слова - считается одним из основоположников советской исторической романистики.

"Изумительное проникновение в дух и плоть эпохи" - так писал М. Горький о "Разине Степане".

В этом монументальном произведении ярко отражена эпоха великой крестьянской войны, возглавленной Разиным.

ISBN 978-5-4241-1570-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

© А.П. Чапыгин, 2021

Алексей Чапыгин
РАЗИН СТЕПАН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Москва

1

Бесконечным числом ударов в чугунную доску Москва вторила у боярских и купеческих домов часовому бою Спасских ворот. Часы пробили, но в сумраке часов не видно было. Светились иногда фонари; стучали копыта лошади: то проезжал боярин. В конце лета сумрак густел, часто перепадали дожди. Оттого по кривым и черным улицам полз туман, Местами улицы выстланы тесаными бревнами, отпотевшими и скользкими, словно в черном мыле.

Если где шел человек, то с подорожной бумагой и фонарем. Изредка чернели фигуры стрельцов, осторожно двигаясь на смену караула в Кремль с бердышами на плече.

— Дьявол, а не путь! Сколь раз в море бывал, а тут слеп; ужель не попаду? — ворчал человек в бараньей шапке, в длинном полом казацком жупане и шагал со звоном подков, иногда скользил, спотыкаясь о дерево. — Сатана! — Он наткнулся на поперечное бревно-колоду, загородившее улицу.

— Ты, сволочь, должно, в Земском приказе¹ не был? — окликнул человека сторож.

— Я ваших порядков московитских не ведаю, вот дырье в башке умею сверлить! — Сверкнул пистолет.

Сторож отшатнулся, а человек, согнув широкую спину, пролез под колоду, выпрямился и спешно пошел дальше.

Напуганный пистолетом сторож опомнился, крикнул:

— Черт! Чтob те ноги, ребра изломили...

Подожел другой:

— Ты пошто пропустил?

— Да вишь, шиши со Пскова по Москве бродят, должно, воровской казак — с пистолем, и сабля.

— Ой, ты! Сговорился бы: кого ежели ограбит, чтob доля нам.

— Спужал, тряса его бей! Глаза горят, как у волка.

— Эх ты, баба столетняя!

Посредине обширной площади, бесконечной от тумана, на толстом столбе с образом, глубоко врезанным в дерево, мигал огонь негасимой лампы сквозь слоду, вставленную в узорчатую раму. По земле расплывались тени двух человек, а у столба недалеко чернели две фигуры караульных стрельцов. Опершись на обухи бердышей, стрельцы, видимо, дремали под монотонный жалобный голос, исходивший от земли²:

— Ой, батюшки! Могильные черви точат мою грудь, и губят за что меня судьи неправильные?! Да, ведь, муж-от мой аспид был! Под ногти мне тыкал иглы каленые... Волосьев половину выщипал. Сам порченой, без гашника, и жонку ему оттого не надобно, оттого и мучитель был!..

— Ага! — Человек в казацкой одежде глянул по земле, увидал зарытую по

плечи женщину с растрепанными волосами.

От звука шагов один стрелец поднял голову:

— Эй ты, человече!

Он повернул бердыш топором к земле и крепко взялся за рукоятку.

— Кой бес тебя несет сюда?! — крикнул второй.

— Свой я вам! Чего бьете сполох?

— Есть вас своих!

— Свой, соколы! Выпить вам ташу.

— Что ты за человек?

— Видать, заезжий. Там ужо спорют — узнаешь, за какими песнями в Москву ездят.

— Разберемся!

Человек, сдвинув баранью шапку на затылок, вытащил из-за пазухи глиняную посудину.

— Оно не худо пить, только, мотри, не отравное?

— Пошто мне вас изводить?

Стрелец приложился к горлышку посуды; другой, жадно причмокнув, сказал:

— Оставь, не все тяни!

— Ух, пей, брат! Не на кружечном, без уловной деньги.³

— Ой, тошнешенько-о! Не видать младеньке боле ясно солнышка-а... калена-бела месяца-а!

— Убила мужа, дак молчи, чертова жонка! — крикнул стрелец.

Человек в казацкой одежде сказал:

— Други, а може, муж стоил того?

— Кто спорит — може, и стоил, да дело не наше!

— Чего сам не пьешь?

— Хватит и мне, еще есть.

— Давай, парень, коли што, другую!

— Да уж, зачал чествовать, не скупись, а то, вишь, туман, знобит...

— Лето ныне скудное — дождей, дождей...

— Натe, дуйте!

Выпивая, стрельцы рассуждали:

— И как ты, детинушка, не боишься ходить?

— Молодой, вишь, да зубастой!

— У нас на вольном Дону никого не боятся.

— Мы от дедов стрельцы, да того...

— Бойтесь?

— Не так чтобы...

— Ино не на вас ли, братья-соколы, бояре воду возят?

— Ужо время приспеет — тряхнем бояр...

— До поры в терпенье!..

— Ой, а долга ли та пора?

— При-и-дет!

— Мы и нынче ни черта не боимся!

— Не бойтесь?

— Не...

Один из стрельцов ударил себя кулаком в грудь.
— Глянь на меня, вольной детина — вот я, не боюсь ни сатаны, ни патриарха, ни бояр...
— Ой ли?
— Вот бог — и хрест!
— Ну, брат-сокол, хвалишься!
— Не хвалюсь, башка!
— А чем докажешь зарок?
— Чем хошь!
Стрельцы захмелели.
— Не бойтесь, так отроем эту жонку, в кабаке сведем, сами выпьем и ее обогреем.
— А, пропади все, отроем!
— Нет, то, детина, не ладно! Какие же мы сторожи?
— Вот, братья-соколы, и не бойтесь, а трусите!
— Нет, тут честь стрелецкая горит!
— Что тут горит? К жонке в сторожи приставили! Честь!
— А и то правда, отроем!
— Сами куды?
— В кабак!
— Откопаем жонку!
— А чем?
— Эво! Бердыши в руках, да я саблей подмогу.
— Мочно!
— Рой!
Подожгли, отрыли женщину и за руки выволокли из ямы.
— Ена, парень, нагая?
— Ништо! Обряжу в жупан, сам пройду в зипуне. Держи одежду, жонка!
— Голова у детины, хошь в попы ставь!
— А жонка-т с икрой!
— Грудастая...
— Э-эй, черги-и!
Голос зычно плыл по площади!
— Ой, мать твою перекасти поле — пятидесятник!
— Багоги нам!
— Кнут! Чего делать, в обрат копать жонку? Увидит.
— Не копать, соколы: вы жонку пасите, я с боярскими детьми хорошо лажу.
— Иди, детинушка, веди сговор, угомони черта!
— Э-эй, стрельцы!..
В ответ шаги и голос:
— Тут я!
— Ты тут, драный козел, твою перепечу! А где другая сволочь?
— На месте стоит!
— А ты, шучий сын, пошто без бердыша, пошто не в суммане?
— Сабля при бедре, зипун на плечах!
— Вон ты что-о?!.. Эй, стра-жа-а!..
В сумраке сверкнуло лезвие сабли. Слово «стража-а» не окончено. Тело на-

чальника осело к земле и распалось на два куска.

Детина вернулся к стрельцам.

— Куды он делся? — спросил один.

Другой засопел и громко, как бы про себя, сказал!

— Так-то не ладно!

— Чего не ладно?

— Начальника посек! Понял? Мы в разбое...

Другой, еще более хмельной стрелец захихикал, закашлялся, потом отдышался, сказал:

— Начали сечь — туды ему, сатане, и дорога! Дай посекем в куски?..

Приволокли подтекающее кровью половинчатое тело начальника к огоньку образа.

— Матерый, черт! И как ты его, вольной, мазнул? Не всяк мочен такое...

— Одежу вниз! Секите его на куски, да в яму замест жонки — и в кабак.

— Вот те хрест, в попы тебя, казак, — голова-а!

— Дальше попа не видал? Я, може, в патриархи гляжу!

— Хо-хо-хо. Сатана-а!

— В па-три-архи-и?!?

Языки и руки стрельцов худо слушались. Казак, как говорил, сделал все.

Пошли.

Сторожа на росстанях улиц снимали перед ними бревна-колоды. В иных местах отпирали решетчатые ворота, спрашивали:

— Куды, служилые?

— Воров в Земской приказ!

— Мы сами воры-ы!

— Чого рот открыл до дна утробы? Тише-е!

— Начальника-то, а-а? Кровь на тебе, и я в кровях...

Казак остановился:

— Вам, братья-соколы, дорога на Дон, утечете: на Дону много вольных сошлось, там рука боярская коротка.

— А ты?..

— Я оттудова и туды приду!

— Врешь!

— Давай, Дема, поволокем его с жонкой в Разбойной?

— В Разбойной?⁴ Пойдем! Руки, вишь, у меня в крови...

— Вот вам еще водки! Пейте, загодя спать, а утром знать будете, что делать.

— Водку? Давай!

— Дуйте из горлышка!

Падая и подымаясь, с лицами, замаранными кровью, стрельцы пошли вдоль улицы. Казак потянул одетую в жупан женщину в переулок, выглянул из-за угла. Стрельцы про них забыли, — шли, падали и, поднимая один другого, шли дальше.

— Веди, жонка! Спасайся от могилы! — плотнее запахивая женщину в жупан, сказал казак.

Женщина дрожала, едва держалась на голых ногах, черных от грязи и холода. Сверкнули белым жестяные главы многочисленных церквей. Где-то зазвонили. Загалдел народ; на ближайших рынках, словно на пожаре, заспорили и закрича-

ли женщины, торгуя холст и нитки. Берестовые и тесовые крыши на неопрятных домишках все яснее и пестрее выделялись.

— Будь крепче! Идем, кабаки отперли.

— Иду, голубь-голубой... Иду, а тяжело идти...

2

Кабак гудел. Широкая дубовая дверь раскрыта настежь... Едкий воздух сивушного масла, спирта, потных тел, подмоченных лохмотьев и рубищ не давал дышать непривычному к кабацким запахам. Светлело в бревенчатой обширной избе с заплеванными стенами и чавкающим от грязи земляным полом. За стойкой на стене висела желтая бумага с черными крупными буквами. В стороне в железном подсвечнике на ржавом кронштейне горела оплывшая сальная свеча, мутно при утреннем свете скупым огоньком пятная бумагу. Каждый, кто смотрел на бумагу, мог прочесть:

«По указу царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси и великия и малыя — питухов от кабаков не отзывать, не гоняти — ни жене мужа, ни отцу сына, ни брату, ни сестре, ни родне иной, — покудова оный питух до креста не пропьется».

Казак по-особому зорко оглянул обширный сруб с курным, как в овине, бревенчатым потолком. Его взгляд скользнул в глубину кабака, где за перерубом с распахнутой дверью выглядывала без заслона с черным устьем большая печь.

Казак высматривал истцов.⁵ Лицо его стало спокойно, он повел широким плечом, положил на стойку деньги:

— Косушку и калач!

Женщина задремала, вскинула сонными руками, казак поддержал ее, но жупан распахнулся и голое, плотное тело, запачканное землей, открылось. Целовальник, косясь на саблю казака, на окровавленные руки, подал откупоренную косушку, положил калач, густо обваленный мукой.

— Где экую откопал?

Женщина вздрогнула и, схватив было, уронила калач. Казак нахмурил густые брови, но спокойно ответил:

— Пропилась, лихие люди натешились да раздели... Подобрал вот, вишь, согреваю.

Целовальник сощурился, недобрым голосом прибавил:

— Спаси бог! Житья не стало от лихих людей. Почесть, что ни ночь Москва горит...

Сквозь слюдяные, проткнутые во многих местах окна чирикали воробьи, слышался звон и громыхание каких-то тяжелых вещей, которые не то катили, не то везли.

— Немчин опять на государев двор пушку тянет...

— Мольть надо: Кукуй⁶ — подь на Кукуй!

— А не скажу того — кнута пробовал! — шутили в глубине кабака у двери в прируб, на бочках огромных и пузатых, оборванцы-питухи. Они сидели в обнимку с женщинами, столь же неприглядными, как и мужчины. Женщины лезли одна к другой и спорили. Целовальник крикнул:

— Драться, жонки, вольготнее на улице!

— А ты там стой! Она у меня Микешку отбила, а Микешка мою кичу⁷ спер...

— Ой, ой! Да она, вишь ты, не посадская жонка?
— Матренка-то! Она, ведомо всем, кабацкая боярыня!
— Ха-ха-ха!
— А кика твоя с жемчугом аль с венисами?⁸
— Кика у меня от бабки!
— Знаю теперь — ха-а-а-рошая... Тут, вишь, братаны, на торгу юродивой
Гришка-горб шатается, так он Матренкиной кике непочетное место нашел: носит
в портках, а зовет килой!
— Хо-хо-хо!
— У, ты, образина нехрещеная!

Бочки лежали, иные торчали стоймя, люди за ними были как за колоннами,
выходили и вновь прятались. За бочками кто-то тренькал на струнах, а перед
бочками тонконогий, черный, в длинном подряснике, подпоясанный рваной
тряпицей, плясал поп-расстрига, гнусаво напевая:

Дьякон с дьяконицей,
Дьявол с дьяволицей, —
Пономарь кошке
Окалечил ножку!
Кошка три года хворала,
Все кота недолюбила,
Кот упал с тоски,
Перебил горшки!

Из-за бочек выскочил музыкант, тренькавший на ящике.

— У, ты! Сидел бы там.

Музыкант заюлил, завертелся, загребая рваными полами старой распашницы,
видимо, украденной у жены. В прорехе мелькал голый, замаранный смолой зад.

Музыкант колотил по ящику, дергал натянутые на нем струны, подпевал:

Как под ельницею,
Под березницею
Комар с мухой живет,
Муха песни поет.
Ой, спасибо комару,
Что пришелся ко двору,
Ой, спасибо мушке, —
Прожужжала ушки!

— Эй, народ! Знаете, что ваши домры да сломницы⁹ сожгли по патриаршу
слову и нынче настрого заказано в кабаках песни играть?

Музыкант перестал плясать, а кабатчику ответил!

— Ништо, батько Трифон! Москва погорит — сам спляшешь.

— Ах ты, голое гузно! Ужо истцы придут, по-иному заговоришь.

Кабатчик выскочил из-за стойки с плетью. Жонки-пропойцы дрались.

Казак потянул женщину за собой. Целовальник разогнал дерущихся, вернул-
ся за стойку. Не видя казака и его подруги, пожалел, потрянул бородатой головой,
икнул, покрестил рот:

— Истцы-не идут, а детину с жонкой упустил. Детина с саблей... Кровь на
руках, воровские каки-то людишки...

Женщина двигалась будто во сне. Казак спросил:

— Ты, жонка, ведаешь ли путь?

— Веду куда надо, голубь-голубой.

Они прошли по шаткому бревенчатому мосту через Москву-реку, пробрались заюлками Стрелецкой слободы¹⁰. Женщина вела такими местами, где людей или не было, или редкий кто встречался им. Потом она повела старым пожарищем. Через доски с гвоздями, через обгорелые бревна и матицы шагали, спускаясь вниз до земли и вновь подымаясь на бревенчатый завал.

— Не верил тебе, что путь знаешь!

— Ой, голубь, да как мне его не знать? Истомилась я — сколь время высидела в яме. Голосила: «Прости, белой свет...» — и не упомяну, что голосила денно и ночью... Ой, да откудава ты сыскался такой? С неба, видно?..

— С земли!.. Дьяк на торгу вычитал, — глянул я, ведут нагуо...

В старинном тыне, обросшем кустами обгорелой калины и ивы, женщина отыскала проход. Согнувшись, пролезая, продолжала:

— Не домой тебя веду, голубь, там уловят, а здесь не ведают... Тут мои кои вещи хоронятся, да живет дедко шалой, скудной телом, юродивой...

— Иду, веди!

Казак задел лицом за плесень тына, рукавом жупана обтер худошавое, слегка рябое лицо.

Женщина спросила:

— Никак головушку зашиб?

— Замарался — грязь хуже крови...

За тыном широко разросся вереск. В самой гуще вереска стлалась почти по земле уродливая длинная хата. На пороге, на краю входа вниз, сидел полуголый старик горбун. На грязном теле горбуна, обмотанном железными цепями, висел на горбатой груди железный крест. Горбун не подвинулся, не шевельнулся, но сказал запавшим вглубь голосом:

— Иринеца? С того света пришла, молотчого привела. А не прикажут ли вам бояры в обрат идти?

Он растопырил костлявые ноги, мешал проходу.

— Ой, не держат ноженьки! Двинься, дедко!

Горбатый старик подобрал ноги.

Казак с женщиной вошли в подземелье, в темноте натыкались на сундуки-укладки, но женщина скоро нашарила низенькую дверку, в которую пришлось вползти обоим. На глубине еще трех ступеней вниз за дверкой была теплая горница. Женщина выдула огонь в жаратке небольшой изразцовой печки, особенно лежаночного уклада. Казак стоял не сгибаясь, и хотя роста он был выше среднего, до потолка горенки еще было далеко.

От восковой свечи женщина зажгла лампадку, другую и третью, перекрестилась, сказала гостю:

— Да что ты стоишь, голубь-голубой? Садись! Вызволил меня от муки-мученской! А воля будет лечь — ложись: там кровать, перина, подушки — раскинись, сюды никто не придет...

Сбросила его жупан на лавку и куда-то ушла голая. Устал казак, а в горнице было тихо, как в могиле. Скинув зипун, саблю и пистолет, столкнув с ног тяжелые сапоги прямо на пол, он задремал на перине, поверх одеяла.

Женщина, тихо ступая по полу туфлями, обшитыми кунницей, вернулась —

прибранная, в синем, из камки¹¹, сарафане, в шелковой душегрее. Густые волосы ее смяты и вдавлены в сетчатый волосник, убранный жемчугом. Она подошла к кровати, тихо-тихо присела на край и прошептала, чтоб не разбудить гостя:

— Спи, голубь-голубой, век тебя помнить зачну... Пуще отца-матери ты к моему сердцу прилип...

Казак открыл глаза.

— Ахти я, беспокойная! Саму дрема с ног валит, а тянет к тебе, голубь, прийти глянуть...

— Ляжь!

— Кабы допустил лечь — лягу и приголублю, вот только лампадки задую да образа завешу.

— Закинь бога! Не завешай, с огнем весело жить.

— Ой, так-то боязно, грех!

— Грех? Мало ли грехов на свете? Не гаси, ляжь!

— Ой ты, грехов гнездо! Пусти-ко... Дозволишь обнять, поцеловать ино не дозволишь? А я и мылась, да все еще землей пахну.

— Перейдет!

— Все, голубь, перейдет, а вот смертка...

— Жмись крепко и молчи!

— Ужо я сарафан брошу!

— Душегрею, сарафан — все. Целуй! От лишней думы без ума нет проку!

— Родной! Голубь-голубой!

— Эх, Иринеца! Ты новой разбойной струг... Не попусту я шел за тобой.

— Родной, дай ты хоть ветошкой завешать бога! Слаще мне будет...

— Молчи, жонка!

3

Проснулся казак от яркого света свечей. За столом под образами сидел голый до пояса юродивый. Женщина исчезла. Казак сказал юроду:

— Ты чего в красный угол сел?

Наливая водки в большой медный кубок, юродивый ответил:

— Сижу на месте... В большой угол сажают попов да дураков, а меня сызма-ла таким именем кличут.

— Ну, ин сиди, и я встану! А где Иринеца?

— Жонка в баню пошла, да вот никак лезет...

Женщина вернулась румяная, пышная и потная, на ней был надет отороченный лисьим мехом шелковый зеленый кортель-распашница, под кортелем голубой сарафан, рубаха шелковая розовая, рукава с наакапками — вышивкой из жемчуга.

— Проспался, голубь-голубой, мой ты голубь!..

— Улечу скоро! — Гость встал, под грузным телом затрещала дубовая кровать.

— Матерой! Молодой, а вишь, как грузишь, — не уродили меня веком таким грузным, — проворчал старик.

— Я вот вина принесла да меду вишневого! А улетишь, голубь-голубой, имечко скажи, за кого буду кресты класть, кого во сне звать?

— Зовут-таки меня Степаном, роду я — издалече...

— Оденься-ко, Степанушка! Чья это кровь на тебе? Смой ее с рученек да окропи, голубь, личико водой студенной... А я на торгу была... Все проведала,